

Три старухи рассказ

Я щелкаю выключателем. Лампы дневного света мигают, и с электрическим звяканьем, похожим на мелодию испорченной музыкальной шкатулки, гаснут. Помещение цветочного магазина, расположенное в небольшом полуподвале, погружается в тишину и таинственный полумрак. В этом полумраке стоящие на полках вдоль стен фарфоровые куколки и китайские статуэтки приобретают не то надменный, не то заговорщицкий вид. За всеми этими фигурками мутно поблескивает покрытое пылью зеркало, и, прежде, чем уйти, я бросаю беглый взгляд на свое отражение. Вероятно, в этом виноват тусклый вечерний свет, проникающий в помещение через единственное крошечное окно, – в собственной фигуре мне мерещится какая-то странность, как будто там, по ту сторону стекла, стоит совсем другая девушка. С этим неприятным чувством я подхожу к щитку сигнализации. Резкий высокий монофонический звук запущенного мною счетчика нарушает пыльную тишину полутемного подвала. Этот неестественный механический звук лишь усиливает внезапно возникшее чувство тревоги, и я тороплюсь покинуть пустой магазин.

Улица пахнет раскаленным асфальтом и бензином. Желтая пыль клубится в лучах низко нависшего, но все еще жгучего красноватого солнца. Меня ошеломляет этот угасающий свет. Шумят летящие на большой скорости автомобили, звенят трамваи, прохожие смеются и громко разговаривают по телефону, и этот неожиданный поток жизни подхватывает и куда-то несет меня. Густой душный горячий воздух пронизан каким-то особенным летним весельем; окна домов распахнуты настежь, из них доносятся звуки музыки и звон посуды и радостно звучат молодые звонкие голоса. Все это волнует меня, и возникшая во мне тревога перерождается в какое-то неясное предчувствие. *Что-то должно произойти.*

Напротив меня со скрежетом останавливается полупустой облезлый красный трамвай. Мне вспоминается, как в детстве я ездила в музыкальную школу на таком же точно битком набитом трамвае, боясь в толкучке потерять шершавую бабушкину ладошку и прижимая к себе огромный скользкий футляр со скрипкой, который, кажется, каждый считал своим долгом пихнуть посильнее. Больше всего на свете я ненавидела этот футляр и лежащую в нем скрипку. Я мечтала, чтобы все эти толкающие и давящие меня люди исчезли вместе с моей бабушкой, и тогда никто не стал бы ругаться, если бы я выбросила этот футляр где-нибудь по дороге, а сама бы целый день каталась в пустом трамвае по городу и ела мороженое.

А теперь трамваи и в самом деле ходят пустые. Да и бабушки давно уже нет. Как нет и футляра со скрипкой. Я забираюсь в пышущее жаром нутро трамвая. За столько лет они почти совсем не изменились: та же облупившаяся грязная краска внутри салона, те же облезлые поручни и

заскорузлые сиденья. Только женщина с выжженными белыми волосами, сидящая на месте кондуктора, кажется, немного похудела и обзавелась мобильным телефоном, по которому она беспрерывно и очень громко разговаривала. «Я-то, ему говорю, главное-то – для себя начать зарабатывать», – гаркнула она, протягивая мне билет.

Я выбираю место у окна в самом конце салона, так, чтобы до меня не долетали ни вопли кондукторши, ни аромат ее дешевых духов, смешанный с ароматом не менее дешевых сигарет. Рядом со мной неожиданно садится женщина, и я начинаю украдкой разглядывать её. Лицо её поражает меня своей удивительной некрасивостью. Круглая маленькая голова на чересчур вытянутой тонкой шее, длинный и острый, карикатурно выпирающий нос в сочетании с недоразвитым подбородком и глубоко посаженными глазами, придавали ей сходство с нелепой маленькой птичкой. При том, что женщина была очевидно немолода, определить её возраст было сложно. Под аккуратно завязанным сереньким платком, покрывавшим её голову, виднелись редкие абсолютно седые волосы, однако, на лице женщины совершенно не было морщин; ей могло бы быть и сорок пять, и семьдесят. Но еще больше, чем странная уродливость и отсутствие возраста, поражало само выражение этого некрасивого лица. В нем не было ни злобы, ни обиды на судьбу, ни усталости – напротив, это лицо светилось удивительным спокойствием, и даже умиротворением, какое обычно бывает на лицах счастливых влюбленных; глаза её были полузакрыты и как будто слегка улыбались; такая же тихая полуулыбка бродила и по губам женщины. Что-то в этом лице, в этом выражении, показалось мне странно знакомым, как будто я уже видела его прежде.

Мне вспоминается, что я и в самом деле видела эту женщину много лет назад, в том же трамвае, и даже, кажется, несколько раз. И тогда на её лице была та же спокойная полуулыбка; она как будто не замечала окружающей её суеты и давки, не раздражалась, когда ей наступали на ноги, или грубили, – она как будто любила всех и всегда.

Опасаясь, что женщина заметит мое пристальное внимание, я отворачиваюсь и смотрю в окно. Громыхая и звеня от натуги, трамвай въезжает на мост. В этот момент из-за многоэтажек выкатывается огромное солнце, зависшее низко над самой рекой. Оно расцвечивает красно-золотыми дребезжащими бликами грязно-белую штукатурку внутри салона. На мосту я замечаю двух подростков. Он гладит её легкие светлые волосы, и за пальцами тянутся тонкие золотые паутинки.

Я не успеваю рассмотреть их лица, и мне думается, что они должны быть похожи на лицо моей странной попутчицы. Я поворачиваю голову, чтобы еще раз взглянуть на неё, но мой взгляд упирается в пустое сиденье.

Солнце, сверкнув прощальным отблеском в стекле, снова скрывается за многоэтажками. Салон трамвая погружается в лиловый сумрак, и я чувствую, как удушливой волной на меня накатывает страх и какая-то липкая тоска, и мне мерещится, что разогнавшийся, со звоном летящий с моста

трамвай уже никогда не остановится, что он летит, летит напрямиком в огромное черное звенящее ничто.

Я вскакиваю на ноги. Голова у меня кружится, я хватаюсь вспотевшей рукой за почерневший облезлый поручень и чувствую хорошо знакомый кислый запах нагретого железа, всегда внушавший мне необъяснимое отвращение. Я как будто чувствую во рту металлический привкус, напоминающий привкус крови, и к горлу подступает тошнотворный комок.

Мой взгляд лихорадочно обыскивает пустые коричневые сиденья в поисках маленькой некрасивой старушки, но вместо неё натывается лишь на одутловатое багровое лицо кондукторши, щедро и безвкусно сдобренное потекшей от жары яркой косметикой. «*Для себя зарабатывать!*», - надрыгается она, часто хлопая маленькими черными липкими, как мушиные лапки, глазками. Едва-едва дождавшись, когда трамвай остановится и распахнет двери, я выскакиваю на улицу.

Я оказываюсь в самом центре города. Воздух здесь как будто совсем сгустился от непрерывно кипящей жизни. На скамейках, у фонтанов, на открытых террасах в летних кафе и питейных заведениях полно народу. Я чувствую запах воздушных шаров, сахарной ваты и дорогих сигарет. Откуда-то доносится мелодия флейты – странно знакомая, щемящая сердце.

Холеная блондинка за одним из столиков держит в унизанных золотыми кольцами пальчиках тонкую вилку. В её глазах застыло бессмысленное и пустое выражение, адресованное не то кусочку бифштекса в её тарелке, не то фантастической пылинке на рукаве её спутника – мужчины в безукоризненно выглаженном дорогом костюме. Лицо мужчины причудливо озаряется бликами, исходящими от экрана планшета, на котором сосредоточено все его внимание.

«*Мама, смотри, птичка спит*», - кричит какой-то малыш, вырываясь из рук красивой светловолосой девушки, но та ловким движением перехватывает его и уносит прочь. Я опускаю глаза и вижу на тротуаре маленькую серую птичку с хохолком. Глазки у птицы закрыты, крылья сложены за спиной. Она лежит неподвижно, странно завалившись на бок, как будто и впрямь только прилегла вздремнуть. Мне вспоминается раненный стриж, которого мы с Р. когда-то спасли от кошки. Когда мы принесли его домой, выяснилось, что крыло у стрижа безнадежно сломано. Оно выворачивалось под неестественным углом, а стриж все пытался взлететь, повреждая его еще больше. Ему должно было быть ужасно больно, но он не издавал ни звука, а только бился на полу, и красные капли выступали на черных перьях. Мы ничем не смогли ему помочь, и, в конце концов, отнесли в лес. Стриж остался на траве с распростертыми крыльями, похожий на маленькую черную тряпочку, легонько трепетавшую на ветру.

Мне совсем не хочется домой. На моей лестничной клетке три квартиры, моя – средняя, а две соседние квартиры с недавнего времени пустуют. В них жили старики, и мне довольно жутко иногда становится при

мысли обо всех этих пустых темных комнатах, в которых, к тому же, не так давно умирали.

Я смотрю, как зажигаются в подступающих сумерках первые робкие огоньки, и перебираю в голове имена знакомых, которым можно было бы позвонить. Но никому из них звонить не хочется, и тогда я снова думаю о *P.* Что он делает сейчас? Моя рука безотчетно нашаривает в кармане джинсов мобильник. Я достаю его и смотрю в пустой экран, как будто ожидая, что вдруг на нем высветится заветное имя. Глупо, конечно.

И вдруг, странным, чудесным, непостижимым образом, как будто во сне, *я вижу его*. Он стоит у фонаря с флейтой в руках, такой же худой и бледный, в своих неизменно потрепанных черных джинсах и клетчатой рубашке, совсем как в тот день, когда мы выпускались из музыкальной школы. Я с тех пор никогда не брала в руки скрипку, а он таскал флейту с собой везде и всюду, играл, где вздумается, не стесняясь прохожих, получая за это порой деньги, а порой – тумачи. Я всегда ужасно ненавидела то внимание, которое он привлекает, и злилась на него. Но только не теперь.

Теперь мне ужасно хотелось подойти и обнять его, гладить его волосы, не обращая внимания на прохожих, как те подростки на мосту. Только ноги несут меня почему-то на противоположную сторону улицы. Дальше, дальше, пока звучание флейты не затихает вдали.

В моей руке зажат вспотевший мобильник. Досадуя на себя, прячу его обратно в карман, и в этот момент ловлю на себе чей-то взгляд. Совершенно сумасшедшего вида старуха сидит на скамейке и крутит во рту леденец на палочке. С резвостью, которую трудно заподозрить в пожилом человеке, она вскакивает на ноги и направляется прямо ко мне. Её растрескавшиеся бесцветные губы разлепляются; она достает из беззубого черного рта карамельку и силится что-то сказать мне...

Я поворачиваюсь и бегу прочь от старухи. Она что-то кричит мне вдогонку, коверкая слова так, что даже при желании их невозможно было бы разобрать. Я сворачиваю на какую-то безлюдную узкую улочку, освещенную в бледно-синих сумерках ярким оранжевым светом фонарей. Перед глазами у меня все еще стоит уродливый черный рот старухи; распахиваясь все шире, он разрастается, заполняя собой все пространство, как будто грозя меня поглотить.

И вдруг я слышу за своей спиной чьи-то очень легкие шаги. Неужели это *она*?

Я оборачиваюсь, уже готовясь вновь побежать, да так и застываю вполоборота, неожиданно узнав в темном силуэте за своей спиной *P.* Откуда он здесь взялся? Неужели все-таки заметил меня и побежал за мной?

Он догоняет меня, и мы идем почти рядом. Я украдкой рассматриваю его. Рваные черные джинсы, взъерошенные темные волосы, из рюкзака торчит флейта. Откуда-то взялся крестик в ухе. И на шее темнеет татуировка в виде штрих-кода. *Зачем он её сделал?* И флейта... какая-то другая, *не его* флейта. Я почему-то не осмеливаюсь поднять голову и заглянуть ему прямо в лицо.

Впереди перекресток. Мы оба замедляем шаг и останавливаемся на светофоре, хотя на проезжей части нет ни одной машины. Нужно что-то сказать, но в голове вдруг образуется странный вакуум.

Молчание неожиданно прерывается немелодичным механическим пищанием светофора. Мы оба вздрагиваем от этого резкого звука – в тишине он кажется почти оглушительным.

– Извините...

Я поднимаю глаза и впервые решаюсь взглянуть на своего спутника прямо. Худое бледное лицо, печальные темные глаза. *Совсем как у Р.* Он робко улыбается мне. Форма губ у него другая. И улыбка другая, как будто тоже немного печальная. И крестик в ухе. И флейта, *не его флейта.*

– Вы не знаете, где ближайшая остановка? Я давно не был в этой части города, и, кажется, все позабыл...

– Кажется, вам на право, – мне почему-то совсем не хочется отпускать этого странного призрака, несмотря на то, что он оказался *не тем.* Мне хочется сказать еще что-нибудь, найти предлог, чтобы пойти вместе с ним, но все фразы, возникающие в голове, кажутся ужасно глупыми и лопаются, как мыльные пузыри, так и не достигнув языка.

Неловкая пауза затягивается, а светофор как назло все выводит свою нехитрую мелодию. Боковым зрением я вижу, как медленно тают секунды на счетчике.

– Ну что ж, надеюсь, мне удастся попасть домой, – мой спутник продолжает улыбаться. Только глаза становятся еще печальнее.

Мы смотрим друг на друга. Руки у него ужасно неуклюжие, когда в них нет флейты, и я ловлю себя на том, что мои собственные руки стали вдруг неудобными, как будто лишними и чужими. Если бы можно было просто взять друг друга за руки...

И нас уже разделяет пустынное асфальтированное шоссе. Я оглядываюсь, и он оглядывается тоже, но какой-то неодолимой силой нас тащит разные стороны, как будто асфальт вдруг превратился в бурлящий, уносящий все, могучий водоворот.

Дома я долго не могу уснуть. Сквозь щель между шторами в комнату проникает холодный зеленоватый свет фонаря. Временами слышится, как шуршат шины об асфальт, и тогда по потолку мелькают смутные длинные тени. В комнате душно, но что-то еще не дает мне покоя.

Я прислушиваюсь. До моих ушей доносится тихий, но отчетливо различимый, страшный звук. Где-то совсем рядом, через какую-то пару метров атмосферного столба и тонкий слой бетона, лежит человеческое существо. Затравленное, обессиленное, почти потерявшее рассудок, существо тихо стонет от невыносимой, не смолкающей ни на минуту, мучающей его боли.

Тихий, тихий, страшный звук. Я слышала, когда умирала бабушка.

Я пытаюсь спрятаться от этого звука. Накрываю голову подушкой, но он медленно и неотвратно вползает, карабкаясь откуда-то снизу по

железобетонным перегородкам, цепляется за ножки кровати, просачивается сквозь матрас как мерзостный жидкий слизень. От него не спрятаться. Я закрываю глаза, и мне кажется, что он заполнил собой целый мир. Мне почему-то вспоминается черный рот сумасшедшей старухи и её сдавленный крик. Этот рот угрожающе приближается, и мне кажется, что я проваливаюсь в него.

Я оказываюсь в незнакомой темной комнате. Озираюсь по сторонам, и меня вдруг охватывает уверенность, что это чердак. Откуда-то сверху проникает тусклый холодный свет, похожий на свет луны или звезд, и доносится приятный мелодичный звук, напоминающий звон китайских колокольчиков. Мои глаза привыкают к темноте, и я начинаю различать смутные очертания каких-то предметов. Они нагромождены один на другой, и заполняют собой все пространство чердака – как будто сюда много лет выбрасывали старый хлам. Мне удастся разглядеть в этом нагромождении отдельные вещи: что-то похожее на сломанное кресло, старый телевизор с огромным кинескопом, письменный стол с множеством ящиков, детский велосипедик и огромные круглые часы с погнутыми стрелками.

Но что-то странное есть в этих предметах. Я вижу только лишь их очертания, – и очертания эти неестественно поблескивают в тусклом серебряном свете, как будто все вещи вырезаны из металла. Как будто все они давным-давно умерли, и от них остались только железные скелеты. Я протягиваю руку и касаюсь одного из них. Он оказывается теплым на ощупь, как нагретый солнцем и теплом человеческих ладоней поручень в салоне трамвая. Но теперь это прикосновение и запах окислившегося металла не вызывает того отвращения, и мне кажется, что этот приятный звон, напоминающий колокольчики, странным образом исходит от предметов. Мне приходит в голову, что по ним можно вскарабкаться наверх, а там найдется какое-нибудь окошко, через которое можно выбраться к свету.

Но как только я начинаю хвататься за предметы и лезть, все нагромождение вдруг приходит в движение. Фигуры начинают шататься и разваливаться, и все с тем же металлическим звоном рассыпаются в пыль. Мои руки скребут пустоту, из-под ног исчезает опора, и я начинаю падать. Я падаю долго. Мне начинает казаться, что падение никогда не прекратится. Я больше не чувствую своего тела; я перестаю видеть, слышать, дышать, осязать. Я рассыпаюсь на атомы и перестаю существовать. Я становлюсь частью огромного черного звенящего *ничто*.

И вдруг... рука судорожно комкает сбившиеся простыни. Моя рука. Я чувствую её – кончики моих пальцев превратились в оголенный сверхчувствительный нерв. Я дотрагиваюсь ими до своего лица. Я чувствую, как влажные волосы прилипли ко лбу. Я открываю глаза и вижу свою комнату, странно расплывчатую в серых предрассветных сумерках. Значит, я просто не заметила, как уснула. Значит, мне просто приснился кошмар. Только в комнате стоит странный холод, как будто я проспала много недель, и за окном уже наступила осень.

Во дворе раздаётся странная возня; я слышу скрип подъездной двери, шум торопливых шагов и какие-то негромкие деловитые голоса. Я поднимаюсь с постели и подхожу к окну.

Возле моего подъезда стоит скорая. Двое санитаров вытаскивают из-под козырька накрытую белой простыней каталку; им никак не удается справиться с заедающими колесиками, каталка кренится, и край простыни откидывается вниз. Становится видно иссохшее серое лицо человека, неподвижно лежащего под простыней, и я неожиданно узнаю в нем своего соседа снизу. Значит, этой ночью он умирал. Санитары наконец одерживают верх над каталкой, и она медленно погружается в нутро машины скорой помощи.

Следом за санитарями из подъезда появляется старуха. Она молча наблюдает, как захлопываются двери машины, и вместе с глухим рокотом мотора вспыхивают фары. Машина медленно выползает из двора, двигаясь задним ходом – как будто при обратной перемотке пленки. Старуха провожает её глазами, и потом еще долго стоит, сутулясь и как-то беспомощно поеживаясь от холода. Это жена соседа.

Никто в доме не любил её за сварливый характер, но с мужем они, как птицы-неразлучники, везде и всюду появлялись вместе, всегда держались за руки, и странно теперь было увидеть эту старую женщину в одиночестве. Детей у них не осталось; поговаривали, что из-за сделанного в молодости неудачного аборта. Когда машина исчезла, фигура старухи сиротливо поникла и как-то разом съежилась, будто сдувшийся шарик, из которого выпустили остатки воздуха.

Я вдруг ощущаю страшную пустоту и холод, как будто это я стою там, внизу. Как будто я превратилась в старуху. Я чувствую, как холод пробирает меня, поднимаясь от кончиков заледеневших пальцев до самого сердца и живота.

Мне необходимо тепло. Я думаю о той, другой, старухе, которая то ли приснилась, то ли примерещилась мне в трамвае. Я вспоминаю тот обманчиво-простодушный, добрый взгляд из-под опущенных прозрачных ресниц, и её нелепое птичье личико уже не кажется мне таким некрасивым. Мне хочется, чтобы она снова села подле меня в трамвае, и мы бы долго-долго ехали вместе.